

ЧИЧИКОВ

Чичиков Павел Иванович — новый для русской литературы тип авантюриста-приобретателя, главный герой поэмы, падший, изменивший своему истинному предназначению, но способный очиститься и воскреснуть душой. На эту возможность указывает многое; в том числе — имя героя. Святой Павел — апостол, который до своего мгновенного, «скоропостижного» раскаяния и преображения был одним из самых страшных гонителей христиан; обращение святого Павла произошло на пути в Дамаск, и то, что Чичиков сюжетными обстоятельствами нераздельно связан с образом дороги, пути, — также не случайно. Эта перспектива нравственного возрождения резко отличает Чичикова от его литературных предшественников — героев и антигероев европейских и русских плутовских романов, а также от персонажей нравоописательных помещичьих романов (вроде «Семейства Холмских» Д. Бегичева). Она же неожиданно сближает «отрицательного» Чичикова и с героями сентиментальных путешествий, и в целом — с центральными фигурами романа-странствия (начиная с «Дон Кихота» Сервантеса).

Бричка коллежского советника Павла Ивановича Чичикова, следующего по своим надобностям, останавливается в городе NN, который расположен чуть ближе к Москве, чем к Казани (то есть в самой сердцевине Центральной России). Проведя в городе две недели (гл. 1) и познакомившись в нем со всеми важными лицами, Чичиков отправляется в имения местных помещиков Манилова и Собакевича — по их приглашению. Момент завязки романного сюжета все время оттягивается, хотя некоторые «особенности поведения» Чичикова должны с самого начала насторожить читателя. При знакомстве с очередным помещиком Чичиков сначала интересуется количеством душ, затем положением имения и лишь после этого — именем собеседника. Но «закон замедления» сюжета действует в романе безотказно; лишь в самом конце 2-й главы, проплыв почти целый день в поисках Маниловки-Заманиловки, а затем мило и долго побеседовав со сладким помещиком и его супругой, Чичиков «открывает карты», предлагая купить у Манилова мертвые души крестьян, числящихся по ревизии живыми. Ради чего ему это нужно, Чичиков не сообщает; но сама по себе анекдотическая ситуация «покупки» мертвых душ для последующего их заклада в Опекунский совет — на которую внимание Гоголя обратил Пушкин — не была тогда исключительной. Возникает разрыв между анекдотической фабулой, которая предполагает быстрое развитие действия, отсутствие разветвленной системы сюжетных линий — и «законом замедления». Все это незаметно повышает статус героя, на котором «держится» и анекдотическое происшествие, и сложное нравоописательное повествование. Чичиков начинает соединять собою все уровни сюжета.

Заплывав на возвратном пути от Манилова, Чичиков попадает в имение вдовы-помещицы Коробочки (гл. 3); сторговавшись нею, наутро отправляется дальше и встречается в трактире буйного Ноздрева, который заманивает Чичикова к себе (гл. 4). Однако здесь торговое дело не идет на лад; согласившись сыграть с жуликоватым Ноздревым на мертвые души в шашки, Чичиков еле уносит ноги. По пути к Собакевичу (гл. 5) бричка Чичикова сцепляется с повозкой, в которой едет шестнадцатилетняя девушка с золотыми волосами и овалом лица, нежным, как яичко на солнце в смуглых руках ключницы. Пока мужики — Андрюшка и дядя Митяй с дядей Миняем — распутывают экипажи, Чичиков, несмотря на всю осмотрительную охлажденность своего характера, мечтает о возвышенной любви. Однако в конце концов мысли его переключаются на любимую тему о 200 000 приданого и под впечатлением этих мыслей Чичиков въезжает в деревню Собакевича. В конце концов приобрета и здесь желанный «товар», Чичиков едет к скупому помещику

Плюшкину, у которого люди мрут как мухи. (О существовании Плюшкина он узнает от Собакевича.)

Сразу поняв, с кем имеет дело, Чичиков (гл. 6) уверяет Плюшкина, что всего лишь хочет принять на себя его податные издержки; приобретя здесь 120 мертвых душ и присовокупив к ним несколько беглых, возвращается в город, оформлять бумаги на купленных крестьян. В главе 7-й он посещает большой трехэтажный казенный дом, белый, как мел («для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей»). Нравописание чиновничества (особенно колоритен Иван Антонович Кувшинное Рыло) также замыкается на образе Чичикова. Здесь он встречается с Собакевичем, сидящим у председателя; Собакевич чуть было не проговаривается — некстати упомянув о проданном Чичикову каретнике Михееве, которого председатель знал. Тем не менее все сходит герою с рук; в этой сцене он впервые объявляет, что намерен «вывезти» купленные души на новые земли, в Херсонскую губернию. Все отправляются на пирушку к полицеймейстеру Алексею Ивановичу, который берет взятки больше, чем его предшественники, но любим купцами за ласковое обращение и кумовство, а потому почитается «чудотворцем». После водки оливкового цвета председатель высказывает игривую мысль о необходимости женить Чичикова, а тот, расчувствовавшись, читает Собакевичу послание Вертера к Шарлотте. (Этот юмористический эпизод получит вскоре важное сюжетное развитие.) В главе 8-й имя Чичикова впервые начинает обрастать слухами — пока еще исключительно положительными и лестными для него. (Сквозь нелепицу этих слухов неожиданно прорисовывается обширный гоголевский замысел трехтомной поэмы «Мертвые души» как «малой эпопеи», как религиозно-моралистического эпоса. Жители города NN обсуждают покупку Чичикова и так отзываются о приобретенных им крестьянах: они «теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдруг могут сделаться отличными подданными». Именно так намеревался Гоголь поступить во 2-м и 3-м томах с душами некоторых «негодяев» 1-го тома. С Чичиковым — прежде всего. А само выражение «новая земля» невольно указывает на апокалиптическую, всемирно-религиозную окраску этого сюжетного замысла.) Однако слишком высокие намеки тут же заземлены; слухи о Чичикове-миллионщике делают его необычайно популярным в дамском обществе; он даже получает неподписанное письмо от стареющей дамы: «Нет, я не должна тебе писать!»

Сцена губернского бала (гл. 8) кульминационна; после нее события, приняв новый оборот, движутся к развязке, что, однако, не отменяет «закона замедления». Чичиков, восхищенный юной красотой шестнадцатилетней губернаторской дочери, недостаточно любезен с дамами, которые образуют «блистающую гирлянду». Обида не прощается; только что находившие в лице Чичикова что-то даже марсовское и военное (это сравнение позже отзовется в реплике почтмейстера о том, что Наполеон складом своей фигуры не отличается от Чичикова), дамы теперь заранее готовы к его превращению в «злодея». И когда безудержный Ноздрев через всю залу кричит: «Что? много наторговал мертвых?» — это, несмотря на сомнительную репутацию Ноздрева-враля, решает «судьбу» Чичикова. Тем более что тою же ночью в город приезжает Коробочка и пытается узнать, не продешевила ли она с мертвыми душами.

Наутро слухи приобретают совершенно новое направление. Раньше времени, принятого в городе NN для визитов, «просто приятная дама» (Софья Ивановна) приезжает к «даме, приятной во всех отношениях» (Анне Григорьевне); после препирательств из-за выкройки дамы приходят к выводу, что Чичиков — кто-то вроде «Ринальда Ринальдина», разбойника из романа Х. Вульпиуса, и конечная цель его — увезти губернаторскую дочку при содействии Ноздрева. Чичиков на глазах читателя из «реального» персонажа романа превращается в героя фантастических слухов, в которых до пародийного предела усилены литературные проекции его образа. Чтобы усилить эффект от подмены героя — губернской легендой о нем, Гоголь «насыщает» на Чичикова трехдневную простуду, выводя его из сферы сюжетного действия. Теперь на страницах романа вместо Чичикова действует

его двойник, персонаж слухов — жид, фальшивомонетчик, беглый Наполеон и чуть ли не Антихрист.

Чичиков выздоравливает и, вновь заступив свое сюжетное место и вытеснив за пределы романа своего «двойника», никак не возьмет в толк, почему отныне его не велено принимать в домах чиновников, — пока Ноздрев, без приглашения явившийся к нему в гостиницу, не разъясняет, в чем дело. Принято решение рано утром выехать из города. Однако, проспав, Чичиков к тому же должен дожидаться, пока «кузнецы-разбойники» подкуют лошадей (гл. 11). И потому в момент отъезда сталкивается с похоронной процессией. Прокурор, не выдержав напряжения слухов, умер — и тут все узнали, что у покойника были не только густые брови и мигающий глаз, но и душа. Метафора «мертвой души» сатирически сгущается; тема всеобщего омертвения достигает высшей точки своего развития. Чичикову больше нечего делать в пространстве 1-го тома — событийный и смысловой сюжет развязан.

Композиционно «Мертвые души» должны были повторить «конструкцию» «Божественной комедии» Данте. В 1-м томе, по аналогии с «Адом», главный герой круг за кругом погружается в глубины провинциальной российской жизни. Он созерцает «результаты» человеческого грехопадения — от безобидного Манилова до Плюшкина, почти утратившего человеческий облик, и омертвевших чиновников, которых при их жизни невозможно заподозрить в наличии души. Но 1-й том «Мертвых душ» столько же повторяет концентрическую композицию «Ада», сколько и опровергает ее. Каждый последующий знакомец Чичикова (исключая чиновников) по-своему хуже предыдущего, но при этом — масштабнее, сильнее, ярче, а значит — живее. В самой нижней точке «падения» находится Чичиков — поэтому его биографии, его «предыстории» посвящена вся финальная глава 1-го тома (гл. 11).

Пока Чичиков, везомый кучером Селифаном и сопровождаемый слугой Петрушкой, от которого всегда исходит запах «жилого покоя», едет в неизвестность, перед читателем разворачивается вся «кисло-неприятная» жизнь героя. Рожденный в дворянской (столбовое или личное дворянство было у родителей Чичикова — неизвестно) семье, от матери-пигалицы и от отца — мрачного неудачника, он сохранил от детства одно воспоминание — «снегом занесенное» окошко, одно чувство — боль скрученной отцовскими пальцами краюшки уха. Отвезенный в город на мухортой пегой лошадке кучером-горбуном, Чичиков потрясен городским величием (почти как капитан Копейкин Петербургом). Но перед разлукой отец дает сыну главный совет, запавший тому в душу: «копи копейку» — и несколько дополнительных: угождай старшим, не водись с товарищами; вся школьная жизнь Чичикова превращается в непрерывное накопление. Он продает товарищам их же угощение, снегиря, слепленного из воску, копит и зашивает в мешочки по 5 рублей. Учитель, более всего ценивший послушание, выделяет смиренного Чичикова; тот получает аттестат и книгу с золотыми буквами, — но когда позже старого учителя выгонят из школы и тот сопьется, Чичиков пожертвует на вспомоществование ему всего 5 копеек серебром. Не из скупости, а из равнодушия и следуя отцовскому «завету».

К тому времени умрет отец (не накопивший, вопреки совету, «копейку»); продав ветхий домишко за 1000 рублей, Чичиков переберется в город и начнет чиновную карьеру в казенной палате. Старательность не помогает; черство-мраморное лицо начальника с частыми рябинами и ухабами — символ бесчувственности. Но, сосватавшись к его уродливой дочери, Чичиков и здесь входит в доверие; получив от будущего тестя «подарок» — продвижение по службе, тут же забывает о назначенной свадьбе («надул, надул, чертов сын!»).

Нажив было капитал на комиссии для построения какого-то весьма капитального строения, Чичиков лишается всего из-за начавшегося преследования взяточничества. Приходится начинать «новый карьер», на таможне. Долгое время воздерживаясь от мздоимства, Чичиков приобретает репутацию неподкупного чиновника и представляет по на-

чалству проект поимки всех контрабандистов. Получив полномочия, входит в сговор с контрабандистами и с помощью хитроумного плана обогащается. Но вновь неудача — тайный донос «подельника». С огромным трудом избежав суда, Чичиков в третий раз начинает карьеру с чистого листа — в презренной должности присяжного поверенного. Тут-то до него и доходит, что можно заложить мертвые души в Опекунский совет как живые; сельцо Павловское в Херсонской губернии маячит перед его умственным взором — и Чичиков приступает к делу. Так конец 1-го тома романа возвращает читателя к самому его началу; последнее кольцо российского ада замыкается. Но по композиционной логике «Мертвых душ» нижняя точка совмещена с верхней, предел падения — с началом возрождения личности. Образ Чичикова пребывает на пике перевернутой пирамиды романной композиции; перспектива 2-го и 3-го томов сулила ему «чистилище» сибирской ссылки — и полное нравственное воскрешение в итоге.

Отцветы этой славной сюжетной будущности Чичикова заметны уже в 1-м томе. Дело не только в том, что автор, словно оправдываясь перед читателем за то, что выбрал в герои «подлеца», тем не менее отдает должное непреодолимой силе его характера. Финальная притча о «бесполезных», никчемных русских людях — домашнем философе Кифе Мокиевиче, который кладет жизнь на решение вопроса, почему зверь родится нагишом? почему не вылупляется из яйца? — и о Мокие Кифовиче, богатыре-припертене, не знающем, куда девать силу, резко оттеняет обра: Чичикова — хозяина, «приобретателя», в котором энергия все-таки целенаправленна. Но куда важнее, что Чичиков, готовый ежеминутно размышлять о «крепкой бабенке», ядреной, как репа, о 200 000 приданого, при этом на самом деле тянется к юным, неиспорченным институткам, словно прозревая в них свою собственную утраченную чистоту души и свежесть. Точно так же автор время от времени словно «забывает» о ничтожестве Чичикова — и отдается во власть лирической стихии, превращая пыльную дорогу в символ общероссийского пути к «храмине», а бричку косвенно уподобляя огненной колеснице бессмертного пророка Илии: «Грозно объемлет меня могучее пространство <...> у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

Тем не менее Чичиков, каким он предстает в 1-м томе, это не столько будущий «Павел», сколько нынешний «Савл»; процитированный монолог автора внезапно обрывается чичиковским окриком: «Держи, держи, дурак!» В «приобретателе» Чичикове явлено новое зло, незаметно вторгшееся в пределы России и всего мира — зло тихое, усредненное, «предприимчивое» и тем более страшное, чем менее впечатляющее. Чичиковская «усредненность» подчеркнута с самого начала — в описании его внешности. Перед читателем «господин средней руки», ни слишком толстый, ни слишком худой, ни слишком старый, ни слишком молодой. Ярок костюм Чичикова — из ткани брусничного цвета с искрой; громок его нос, при сморкании гремющий трубою; замечателен его аппетит, позволяющий съесть в дорожном трактире целого поросенка с хреном и со сметаной. Сам Чичиков — тих и малоприметен, округл и гладок, как его щеки, всегда выбритые до атласного состояния; душа Чичикова подобна его знаменитой шкатулке, главный, потаенный ящичек которой предназначен для денег. Он избегает говорить о себе, прячась за «пустые» книжные обороты — «незначительный червь мира сего»; но в какой-то момент эти безобидные обороты вдруг начинают отбрасывать зловещую тень не предусмотренного Чичиковым смысла.

Когда чиновники после рассказанной почтмейстером повести о капитане Копейкине договариваются до сравнения Чичикова с Антихристом, — они невольно угадывают истину. «Новый Антихрист» буржуазного мира таким и будет — незаметно-ласковым, вкрадчивым, аккуратным; на роль «князя мира сего» заступает «чертов сын», «незначительный червь мира сего». Этот «червь» способен выесть самую сердцевину российской жизни, так что она сама не заметит, как загниет. Надежда — на исправимость человеческой природы. Не случайно образы большинства героев «Мертвых душ» (Чичиков — в первую

очередь) созданы по принципу «вывернутой перчатки»; их изначально-положительные качества переродились в самодовлеющую страсть; подчас — как в случае с Чичиковым — страсть преступную. Но если совладать со страстью, вернуть ее в прежние границы, направить на благо — полностью переменится и образ самого героя, «перчатка» вывернется с изнанки на лицевую сторону.